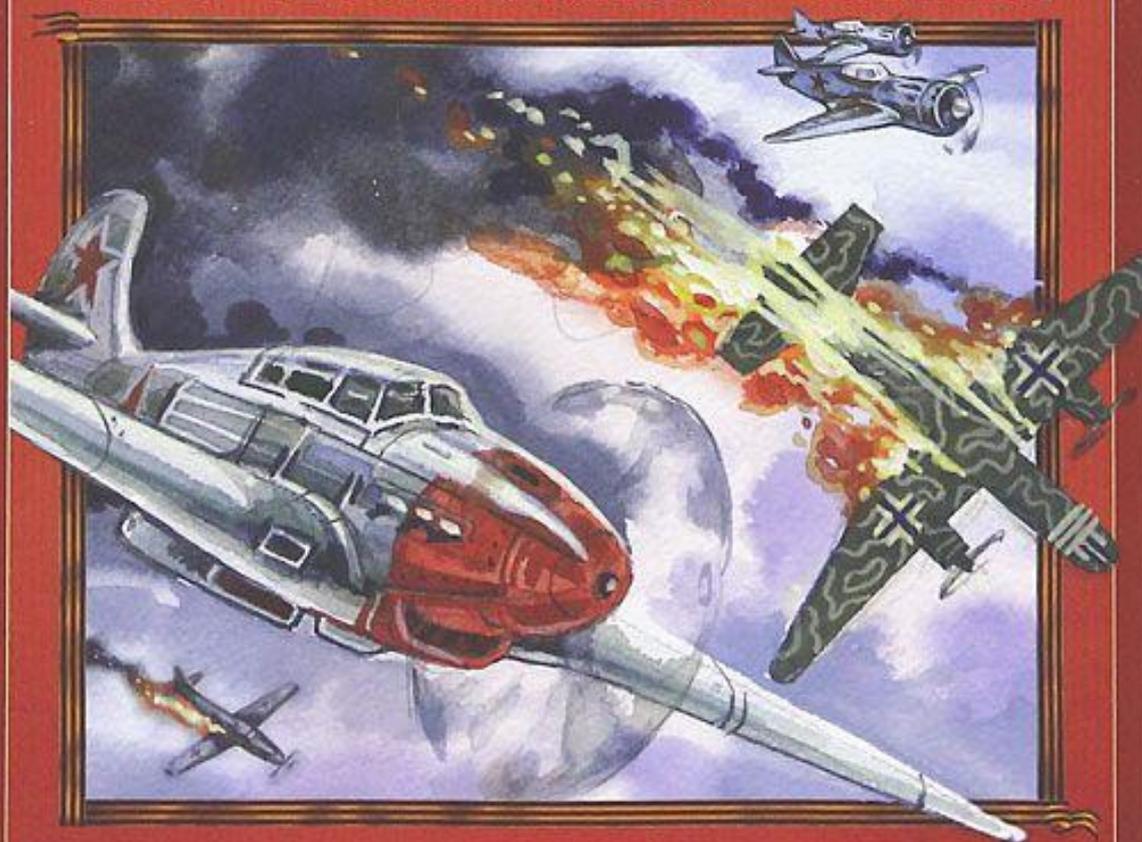

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

С.П. Алексеев

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© Милениум

Рассказы для детей о битве за Москву в Великой Отечественной войне Сергей Алексеев «Холм Жирковский»

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — так называли фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Взять советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов был план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта немецкие танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подожли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

— Форвертс! Вперёд! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада.

Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай! — шепчет сосед по окопу. Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату.

Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждёт.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идёт на Унечина. Кто-то опять сказал: — «Зверь на ловца бежит».

Выждал Унечин минуту, вторую, третью...

«Бросай же, бросай!» — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы сжал, сдержался.

Ещё минута — и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом её поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло... Тридцать минут прошло... Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застрали они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — батюшки светы! — всё поле в подбитых танках, земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

«Сила»

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орёл. С севера движутся к Калинин (ныне г. Тверь). Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь, на Угре, под Юхновом, обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

— Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу — и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулемётный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И всё же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты миномётный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи! А ну, подходи! — это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши, как пулемёт, стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударил по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдаётся упрямый мост. Не пропускают солдаты вперёд фашистов.

Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперёд!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад — посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Всё те же кругом бойцы — друзья по героической роте.

— Где же сила? Была же сила! — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чём, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянётся солдат — была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперёд фашистов.

«Мценск»

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперёд фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперёд машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С ходу ворвались фашисты в Орёл. Мчатся дальше, спешат на Тулу. Между Орлом и Тулой — Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки.

Утро.

Встал Гейнц Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почёте среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... — стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, — сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Ещё день, ещё два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

— Ещё день, ещё два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва... — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силён удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была создана. Изучает комиссия — как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков?

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поётся ему. Нет желания. Нет настроения.

«Вязьма»

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты. Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

— Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

«Подвиг у Дубосекова»

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было двадцать восемь. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков!.. Так это, выходит, меньше чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник!

— Эка же, хвост поджал!

Передохнули солдаты. Видят — снова идёт лавина. Сосчитали — 30 фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

— Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались героини-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«Три приятеля с Волхонки»

Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра — брата, старики — сыновей, подростки — своих отцов.

Круглые сутки, в три смены, работали московские заводы. Всё, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много- много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трёх друзей. Вот кричат привет мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

— Нас не трое — нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

— Где четыре? Как четыре?! Где четыре, если три!

Верно — трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвёртой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трёх друзей. Озорно кричат мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

— Нас не трое — целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:

— Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы — три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька — Гошка, Витька и Алёшка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлёт):

— Нас не трое — девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые — как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот ещё графа — процент. Смотрят мальчишки: сто... сто тридцать... двести... триста.

— О-го-го! — зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому: триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трёх друзей:

— Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

«Зоя»

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии, подполковник Рюдерер:

— Кто вы?

— Не скажу.

— Это вы подожгли дома?

— Да, я.

— Ваши цели?

— Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босой ходить по снегу.

И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился — нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

— Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — говорила Зоя. — Это счастье — умереть за свой народ. — И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!

Комендант дёрнулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

«Ударная»

Харлов Иван служил пулеметчиком в 1-й Ударной армии.

28 ноября 1941 года танковым ударом фашисты обрушились на город Яхрому. Яхрома стоит от Москвы точно на север, на берегу канала Москва—Волга. Ворвались фашисты в город, вышли к каналу. Захватили мост через канал, переправились на восточный его берег.

Танковые соединения врага обходили Москву с севера. Положение было тяжёлым, почти критическим.

1-я Ударная армия получила приказ остановить врага.

Втянулась Ударная в бой. Вместе с другими в бою и Харлов. Опытен он в сражении. В наступление шла стрелковая рота. Припал Харлов к пулемёту. Защищает огнём своего пулемёта советских стрелков. Действует по-харловски. Не торопится. Зря в поле пуль не пускает. Бережёт патроны. Бьёт точно по цели. Стреляет очередями короткими. Чувствует Харлов себя ответственным за жизнь пехотинцев. Словно каждая лишняя смерть на его счету.

Хорошо бойцам под такой защитой.

И вдруг осколком фашистской мины искорёжило у Харлова ствол пулемёта.

Оборвался, заглох огонь.

А противник снова идёт в атаку. Смотрит Харлов — воспользовались фашисты, что стих его пулемёт, выдвинули вперёд пушку. Вот-вот и ударит пушка по нашей роте. Сжались в кулаки от обиды у Харлова руки. Потом он постоял и вдруг припал к земле, прижался и как-то по-крабьи, боком, забирая чуть-чуть в обход, пополз по направлению к неприятельской пушке.

Увидели солдаты, замерли.

«Батюшки, верная смерть!»

Впились солдаты глазами в Харлова. Вот ближе к пушке Харлов, вот ближе. Вот и рядом совсем. Поднялся в рост. Размахнулся. Бросил гранату. Уничтожил фашистский расчёт.

Не сдержались солдаты:

— Ура Харлову!

— Ну, Иван Андреич, теперь беги!

Только прокричали, видят: вышли из-за бугра фашистские танки и идут прямо на Харлова.

— Беги! — снова кричат солдаты.

Однако мешкает что-то Харлов. Не отбегает. Всмотрелись солдаты внимательнее.

— Гляньте, гляньте! — кричит один.

Видят солдаты — разворачивает Харлов фашистскую пушку навстречу танкам. Развернул. Пригнулся. Припал к прицелу.

Выстрел. Загорелся фашистский танк. Два танка подбил герой. Остальные свернули в сторону.

До самого вечера длился бой. Отбросила Ударная армия фашистов вновь за канал. Восстановила здесь положение.

Довольны солдаты:

— А как же иначе! На то и Ударная!

— Как же иначе, раз такие, как Харлов, есть.

«Напишу из Москвы»

Не удаётся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать её штурмом, брать её в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! — строчит Наймган. — Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовёт начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с кратчайшего Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперёд.

Торжествуют фашистские генералы:

— Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и всё же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнём, поднажмём, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Наша армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Наша армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты своё наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

«Переломилось»

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает наша армия. Рванулись войска вперёд. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Кузнецова, Голикова, танкисты Лелюшенко, Катуква, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и артиллерийские дивизионы.

Успешно идёт наступление. Много отважных солдат из разных сёл, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сём.

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Как доехали?

— Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядрёный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сём. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

— Готовы идти в наступление?

— Хоть сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сём. О Москве, о войне, о московской хватке. Закалённый народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казаками и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков.

Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага.

Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», — рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

«Какой род войск сражается?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперёд.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любит.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперёд пехота.

— Пехота, — ответили офицеры, — товарищ командующий. Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

— Так какой же род войск дерётся?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушки. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землёй фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждёт, что ответят ему.

— Артиллерия, товарищ командующий! — сказали офицеры. — Артиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерётся?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждёт генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперёд.

— Танки, товарищ командующий! Танки! — ответили офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперёд с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолёты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремила к небу.

— Ну, ну? — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам. — Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерётся?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населённых пунктов освободили советские войска в боях под Москвой. Разгромили 38 фашистских дивизий.

Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наши солдаты. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

— Непобедимый! — ответили дружно ему офицеры.